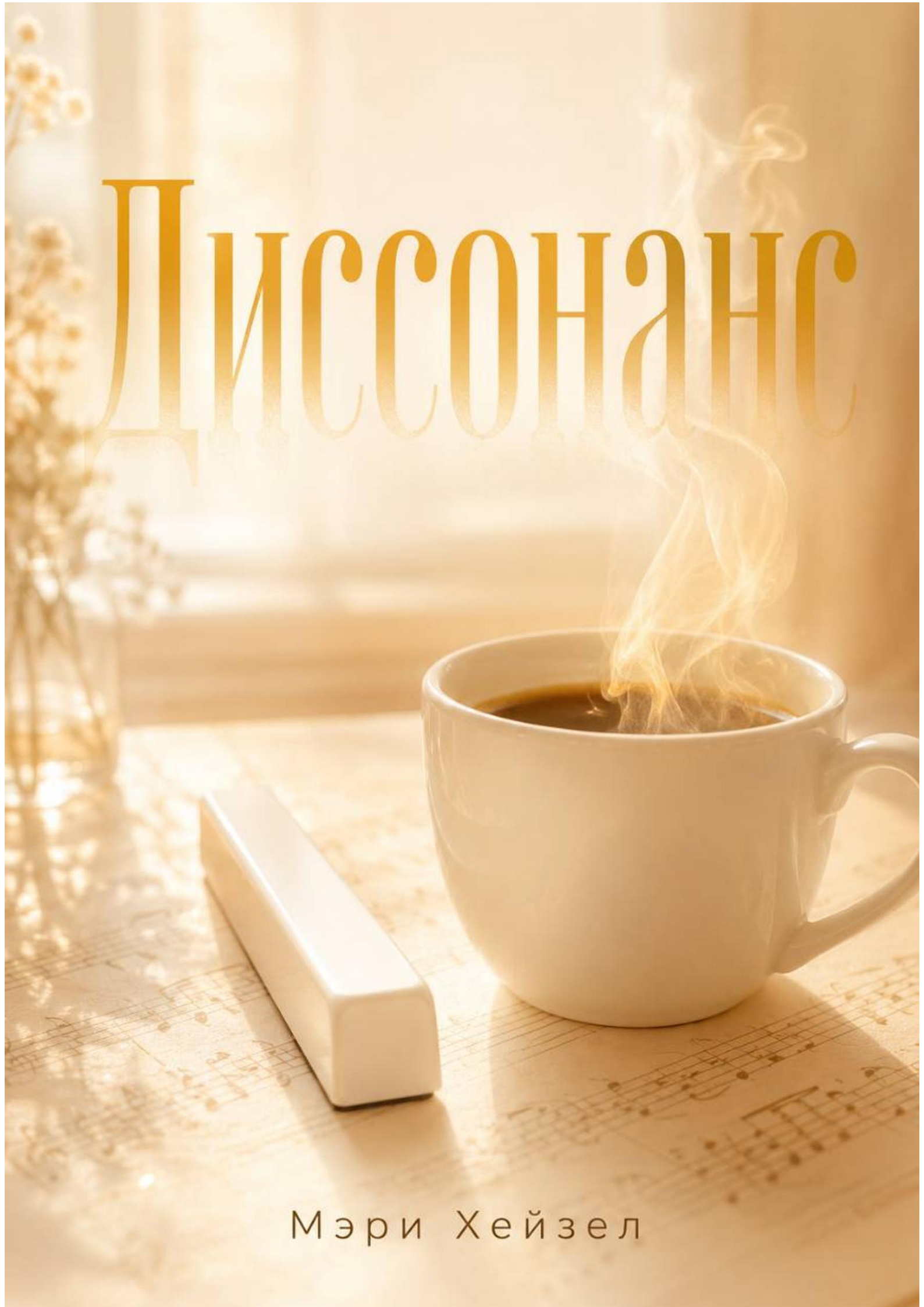

Диссонанс

Мэри Хейзел

Мэри Хейзел
Диссонанс

«Автор»

2026

Хейзел М.

Диссонанс / М. Хейзел — «Автор», 2026

Итан Коул привык чувствовать себя живым только через боль. Пять лет он симулирует болезни, чтобы быть замеченным. Его жизнь — это диссонанс, который звучит громче любого аккорда. Эмма Чен — дизайнер, которая живёт в мире чистых линий и предсказуемых интерфейсов. Она не ищет в людях сломанных механизмов, но однажды замечает Итана в старой кофейне — бледного, худого, с видом человека, который давно забыл, как дышать без боли. Она не пытается его спасти. Она просто оказывается рядом. «Диссонанс» — история о том, как трудно перестать врать самому себе. О музыке, которая рождается в тишине. И о том, что иногда, чтобы быть услышанным, достаточно просто быть рядом.

© Хейзел М., 2026

© Автор, 2026

Мэри Хейзел

Диссонанс

Диссонанс
Мэри Хейзел

ГЛАВА 1. Четыре утра

Суббота. 4:17.

Итан Коул открыл глаза в полной темноте и сразу понял, что сегодня будет «хороший день». «Хороший» означал, что его тело откликалось на прикосновения. Что можно было лечь на левый бок и почувствовать, как под рёбрами заныло — тупая, надёжная боль, которую он знал десять лет. «Плохой» день — это когда ничего не болело. Когда он лежал и слушал пустоту внутри себя, и она была громче любого звука. Он сел на кровати и включил ночник. Комната — его студия — тонула в полумраке: рояль в углу, синтезаторы, накрытые тканью, как спящие звери, ноутбук, вентилятор, который шумел, даже когда не был включён. И стена. Главная стена. На ней висели рецепты. Сорок три выписки из разных клиник за последние пять лет. Он прикреплял их канцелярскими кнопками, как коллекцию. Некоторые пожелтели, некоторые были совсем свежие — с прошлой недели, когда он провёл три дня в отделении терапии с «подозрением на пневмонию». Итан встал, подошёл к стене и провёл пальцем по свежей выписке.

«Рекомендовано наблюдение. Общее улучшение состояния не зафиксировано. Пациент жалуется на рецидивирующую боль в грудной клетке, этиология не ясна»

Он улыбнулся. «Этиология не ясна». Он любил эту фразу. Она означала, что врачи сдались. Они не знали, что с ним. Они пожимали плечами, назначали новые анализы и смотрели на него с жалостью. Жалость была почти так же хороша, как боль. Почти. Он отошёл от стены и направился на кухню. Квартира была маленькой — студия с отдельным углом для кухни, где единственным украшением была кофеварка. Итан включил чайник и достал из холодильника апельсин. Он съел его, стоя у окна, глядя на серое утро. Город ещё спал. Или не спал. Какая разница?

«Сегодня», — подумал он, — «Сегодня я сделаю это правильно».

Он заварил чай, добавил ложку мёда и пошёл в ванную. Зеркало. Он смотрел на своё отражение: бледное лицо, тёмные круги под глазами, худые плечи. Он выглядел больным. Это было хорошо. Но нужно было добавить деталей. Он открыл аптечку. Там, за флаконами с витаминами и обезболивающими, лежал его «арсенал»: маленькая металлическая щётка для одежды, упаковка слабительного, капли для глаз, термометр. Он достал термометр, потёр его о джинсы и посмотрел на шкалу. 37.8. Идеально.

Он вернулся в комнату и надел ту же футболку, в которой спал — мятую, серую. Небрежность, мешки под глазами, температура. Если сейчас приедет скорая, ему поверят. Но он не хотел скорую. Не сегодня. Он хотел просто прогуляться. Просто выйти из дома и посмотреть, как кто-то заметит, что ему плохо. Чтобы кто-то подошёл, спросил: «Вам помочь?». Чтобы он покачал головой и сказал: «Ничего страшного». А они бы не поверили и вызвали бы такси. Итан надел пальто и вышел из квартиры.

Кофейня «Монетка». 6:32.

Он сидел за столиком у окна, потягивая чёрный кофе, хотя на самом деле хотел спать. Рядом лежал блокнот с нотами. Он пытался записать вчерашнюю мелодию — кластерный аккорд, который звучал как треск старого радио, но не мог сосредоточиться. Он чувствовал на себе взгляды. Девушка за соседним столиком посмотрела на него, потом отвернулась, потом

снова посмотрела. У неё было лицо человека, который хочет что-то сказать, но не решается. Итан сделал вид, что кашляет. Тихо, почти незаметно. Но достаточно, чтобы она услышала. Она наклонилась вперёд.

— Вы в порядке? — спросила она. — У вас такой вид... будто вы не спали неделю.

Итан поднял глаза и улыбнулся своей «усталой» улыбкой — той, которую он отрепетировал перед зеркалом.

— Всё хорошо, — сказал он. — Просто бессонница. Бывает.

Она не поверила. Он видел это по её глазам. Она хотела спросить ещё что-то, но в этот момент зазвонил телефон — у неё — и она отвлеклась. Итан почувствовал разочарование. Она почти повелась. Ещё минута, и она бы предложила вызвать врача. Но телефон испортил всё. Он допил кофе и вышел на улицу. Весна начиналась, но ветер всё ещё был холодным. Он пошёл по набережной, чувствуя, как ветер трёт кожу — почти как та щётка в ванной. Но это было приятно. Естественно. Телефон завибрировал.

Лео: «Ты где?»

Итан: «Гуляю».

Лео: «Ты симулируешь?»

Итан: «Нет».

Лео: «Ты врёшь. Ты всегда врёшь, когда начинаешь гулять в 6 утра. Приезжай в студию. У меня есть идея для трека. Живой, не больной. Настоящий».

Итан посмотрел на экран и убрал телефон в карман. Лео всегда знал. Это бесило. Но именно поэтому Лео был его единственным другом — потому что он врал ему, а Лео врал, что верит. Это была их игра. Он развернулся и пошёл в сторону музыкальной студии. Там был рояль. Там была музыка. Там не было ни врачей, ни рецептов, ни жалости.

Студия Лео. 8:15.

Лео сидел за синтезатором, когда Итан вошёл. Он был полной противоположностью Итану: широкоплечий, загорелый, в яркой клетчатой рубашке, с саксофоном на коленях. Он даже не посмотрел на друга.

— Ты взял с собой аптечку? — спросил Лео, не оборачиваясь.

— Нет, — соврал Итан.

— Врёшь. У тебя в кармане леденец от кашля. Ты покупаешь их каждый раз, когда хочешь казаться больным. Они даже не помогают.

Итан сел за рояль и положил руки на клавиши. Они были холодными, как всегда.

— Я просто замёрз, — сказал он.

Лео наконец повернулся и посмотрел на него. Долгий, тяжёлый взгляд. Лео никогда не жалел Итана, и именно поэтому Итан его терпел.

— Итан, — сказал Лео, — Ты выглядишь хреново. Ты выглядишь хреново, потому что не спишь, не ешь и трёшь кожу щёткой по ночам. Ты симулируешь, и ты устал симулировать. Но ты продолжаешь.

— Не твоё дело, — ответил Итан, начиная играть. Пальцы сами нашли диссонирующий аккорд — чёрные клавиши, потом белые, снова чёрные. Это было его «утро». Грязное, шумное, неправильное.

— Становится моим, когда ты звонишь мне в 4 утра и просишь отвезти тебя в больницу, — сказал Лео. — В прошлый раз врач сказал, что у тебя «стресс». Всего лишь стресс. А ты притворялся, что у тебя язва.

Итан перестал играть. Он смотрел на свои руки.

— Я не притворялся, — тихо сказал он. — У меня болело.

— Ты сделал больно сам себе. Это не одно и то же.

— Лео, — Итан поднял глаза, и в них была такая тоска, что друг на мгновение замолчал. — Ты знаешь, что будет, если я перестану? Я просто исчезну. Никто не будет меня жалеть,

никто не будет звонить, никто не будет проверять, жив ли я. Меня не будет, Лео. Пустота. Ты понимаешь?

Лео молчал долго. Потом встал, подошёл к Итану и положил руку ему на плечо.

— Ты исчезнешь, только если сам этого захочешь, — сказал Лео. — Хватит играть в больного. Начни играть музыку. Настоящую. Не эту ломаную хрень, которая звучит как твой внутренний крик. Я хочу услышать, каким ты можешь быть, когда не боишься.

Итан убрал руки с клавиш.

— А если я боюсь до смерти? — спросил он.

— Тогда умри на сцене, — усмехнулся Лео. — Хотя бы красиво.

Кофейня «Монетка». Вечер. 18:23.

Итан не пошёл домой. Он бродил по городу, зашёл в парк, посидел на скамейке, слушая птиц. Птицы не знали, что у него «болит» живот. Птицам было всё равно. И это было ужасно. К вечеру он снова оказался у той же кофейни. Он не знал, почему. Может быть, потому что там был хороший кофе. Или потому, что там был кто-то, кто почти спросил, не нужна ли ему помощь. Он зашёл, заказал капучино и сел за тот же столик у окна. Но теперь за соседним столиком сидела она. Та девушка из утра, которая спрашивала, в порядке ли он. Она была с ноутбуком и злилась на что-то на экране. Стучала пальцами по столу. Быстро, гневно, ритмично. Итан посмотрел на её пальцы и невольно улыбнулся. Он узнал этот ритм.

— 4/4, — сказал он громче, чем планировал. — Ты опять стучишь 4/4. Хочешь записаться в мою группу?

Она подняла голову. У неё были тёмные глаза и взгляд, который мог прожечь дыру в стене.

— Ты тот парень с утра? — спросила она. — Ты всё ещё выглядишь как зомби.

— Спасибо, — усмехнулся Итан. — Ты тоже выглядишь как человек, который ругается на код.

— Я дизайнер, — сказала она, закрывая ноутбук. — UX/UI. И я не ругаюсь. Я... спорю с интерфейсом.

— Спорить с интерфейсом — это как спорить с дождём, — сказал Итан. — Бесполезно, но красиво.

Она посмотрела на него пристально, и в её взгляде не было жалости. Это было ново.

— Ты музыкант? — спросила она.

— Пишу саундтреки, — ответил он.

— А что ты пишешь сейчас?

Итан замаялся. Он мог сказать правду — что его музыка звучит как крик, что она рваная, что он ненавидит её. Но почему-то он не хотел врать.

— Я пишу... — он замолчал, — ...что-то, чего я сам не понимаю.

Она кивнула, и в её глазах появилась искра.

— Тогда я напишу интерфейс, который никто не сможет использовать, — сказала она. — Мы будем идеальной парой неудачников.

ГЛАВА 2. Две недели спустя

Кофейня «Монетка». 18:23.

Итан не ходил сюда две недели. Он не знал, почему. Может быть, боялся, что её там не будет. Или боялся, что она будет. Он перебирал ноты, пытался писать, но ничего не выходило. Лео звонил, звал в студию, но Итан сказал, что устал. Лео не поверил, но не стал спорить. В пятницу он сломался. Он просто пошёл в кофейню. Не для неё. Для кофе. Он повторял это себе всю дорогу.

Она сидела за тем же столиком. На том же месте. В той же позе — смотрела в ноутбук и хмурилась. Итан остановился у входа и смотрел на неё минуту. Потом заказал чёрный кофе и сел за соседний столик. Не за её. Просто рядом. Она подняла голову, увидела его и прищурилась.

— Ты, — сказала она.

— Я, — ответил он.

— Я думала, ты исчез.

— Я просто не пил кофе две недели.

— А теперь решил попить?

Он пожал плечами.

— Захотелось.

Она откинулась на спинку стула и посмотрела на него. Он смотрел в окно.

— Странно, что ты пришёл, — сказала она.

— Почему странно?

— Потому что я здесь каждый день. А ты не появлялся. Я подумала, что тебя не существует.

— Я существую, — сказал он. — Просто я... не люблю людей.

— А меня ты почему не избегаешь?

Он повернулся к ней и посмотрел в глаза.

— Потому что ты не смотришь на меня как на больного.

Она нахмурилась.

— А я должна?

— Нет. Это хорошо, что не должна.

Они замолчали. Она закрыла ноутбук и отодвинула его в сторону.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Итан.

— Итан, — повторила она. — А меня Эмма.

— Я знаю, — сказал он.

— Откуда?

— Бариста сказал, когда ты уходила в прошлый раз.

— Ты спросил у бариста моё имя?

— Нет. Я просто услышал, что он сказал «пока, Эмма».

— Ага, — она прищурилась. — Просто услышал.

Итан смотрел в окно, но на губах у него была едва заметная улыбка.

— Ты сегодня злая, — сказал он.

— Я не злая. Я уставшая.

— В чём разница?

— когда я злая, я бью. Уставшая я просто молчу.

— Ты сейчас не молчишь.

Она засмеялась, и он почувствовал, как внутри отпускает.

— Что ты делаешь в жизни, Итан?

— Пишу музыку.

— Что за музыка?

— Странная, — сказал он. — Я не знаю, нравится ли она кому-то.

— Покажешь?

Он не ожидал этого вопроса. Он растерялся.

— Сейчас?

— Нет, когда-нибудь. Когда я стану твоим другом. Если я стану твоим другом.

Он смотрел на неё и не знал, что сказать. Она говорила это легко, как будто дружба была простой вещью. А для него она была сложнее, чем любой аккорд.

— Я не умею дружить, — сказал он.

— А я не умею молчать, — ответила она. — Так что мы будем учиться друг у друга.

Она встала и надела куртку.

— Я пошла, — сказала она. — Мне нужно доделать проект. Но я хочу, чтобы ты пришёл сюда на следующей неделе. Если хочешь.

— Хочу, — сказал он.

Она улыбнулась и вышла. Итан сидел и чувствовал, как его сердце бьётся слишком быстро. Он не знал, друг ли она ему. Но он хотел узнать.

ГЛАВА 3. Парк

Парк. Воскресенье. 15:32. Апрель.

Итан гулял без цели. Он хотел написать музыку, но не мог. В голове была пустота. Он пошёл в парк — просто чтобы быть на воздухе. Он увидел её случайно. Эмма сидела на скамейке и говорила по телефону. Она выглядела расстроенной, голос был тихим, но напряжённым, руки сжимали телефон так сильно, что побелели пальцы.

— Мама, я не могу приехать на выходные, у меня дедлайн, — сказала она. — Нет, я не хочу обсуждать это сейчас. Я знаю, что ты волнуешься, но я справляюсь. Пожалуйста, не дави на меня. Я перезвоню завтра.

Она сбросила вызов и убрала телефон. Её руки дрожали, и она сжала их в кулаки, чтобы успокоиться. Итан остановился в нескольких метрах. Он не хотел подходить — это было бы странно. Он хотел пройти мимо. Но она подняла голову и увидела его.

— Привет, Итан, — сказала она.

— Привет, — он сел на скамейку рядом, но на расстоянии. — Я не хотел мешать.

— Не мешаешь, — она улыбнулась, но улыбка была вымученной. — Это мама. Она хочет, чтобы я приехала на выходные. Я не хочу.

— Почему?

— Потому что она всё время говорит, что я работаю слишком много, что мне нужно завести семью, что я худею. Ты знаешь, как это бывает.

— Я не знаю, — сказал Итан честно. — У меня нет семьи.

Она посмотрела на него удивлённо.

— Вообще?

— У меня никого нет, — сказал он. — Только я.

Эмма смотрела на него, и в её глазах не было жалости. Только интерес.

— И ты не скучаешь?

— Я привык, — сказал он.

— Это не ответ.

Он посмотрел на неё и улыбнулся одними глазами.

— Иногда скучаю, — признался он. — Но я не знаю, по кому. По тому, чего у меня никогда не было.

Эмма молчала. Потом она достала из рюкзака блокнот и протянула ему.

— Посмотри, — сказала она.

Там были эскизы. Не интерфейсы — рисунки. Странные, плавные линии, похожие на ноты, но без нот. Просто волны и линии, которые пересекались.

— Это музыка? — спросил он.

— Это то, как я вижу твою музыку, — сказала она. — Ты сказал, что она странная. Я попыталась нарисовать странность.

Итан смотрел на рисунки. Они были красивыми. И он чувствовал, что она поняла его музыку, хотя никогда не слышала её.

— Ты нарисовала это для меня?

— Я нарисовала это для себя, — ответила она. — Потому что хотела понять, что ты делаешь. А теперь я поняла. Ты пишешь не ноты. Ты пишешь воздух. И линии. Ты рисуешь то, что невозможно нарисовать.

Он смотрел на неё и не знал, что сказать. Она поняла его музыку. Она поняла его. А он даже не играл для неё.

— Когда-нибудь я сыграю тебе, — сказал он.

— Я подожду, — ответила она. — Я умею ждать.

Студия Лео. Вечер. 21:00.

Итан сидел за роялем и играл. Он пытался записать ту мелодию, которая родилась в парке — простую, светлую. Она была похожа на звук ветра. Он не знал, откуда она взялась. Но она была правильной. Лео вошёл и сел рядом.

— Ты влюбился, — сказал он.

Итан перестал играть.

— С чего ты взял?

— Ты играешь мажорные аккорды, — Лео усмехнулся. — Ты не играл мажорные аккорды пять лет. Только тоска, боль, диссонансы. А сейчас ты играешь что-то... светлое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.